

Иван Тургенев

Поэтические эскизы

Иван Сергеевич Тургенев

Поэтические эскизы

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2997845*

Аннотация

Статья Тургенева о сборнике «Поэтические эскизы», написанная в период оскудения русской поэзии, которое началось после гибели Лермонтова и продолжалось до середины 50-х годов, и связанная с выступлениями всего редакционного коллектива «Современника», была направлена против безыдейной поэзии эпигонов романтического стиля 1830-х годов. Она произвела сильное впечатление в Москве. Интересное описание чтения этой статьи в одном из московских литературных салонов содержится в письме Феоктистова к Тургеневу: «Как будто великолепная статья о Познякове могла обмануть кого-нибудь! Как будто достаточно не подписать своего имени, чтобы публика не увидала руки мастера!...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Иван Сергеевич Тургенев

Поэтические эскизы

Альманах стихотворений, изданный Я. М. Позняковым и А. П. Пономаревым. Москва. В типографии «Ведомостей Московской городской полиции». 1850.

Недели две тому назад, любезные читатели, собралось нас несколько так называемых умных людей у одного тоже умного, да еще и ученого человека. Начали мы разговаривать. С самых первых слов разговор наш принял весьма почтенное направление: он вознесся чрезвычайно высоко, от одного важного, вызывающего на размышление предмета переходил к другому, еще более важному, касался «науки и жизни», — правда, прерывался не раз, как голос певца, забравшего выше своего «регистра», но все-таки продолжался, поддерживаемый дружными усилиями собеседников. Наши суждения были основательны, дельны, возражения отличались снисходительной мягкостью и осторожным приличием, все мы вообще вели себя хорошо и благоразумно, — а между тем к концу вечера каждый из нас почувствовал в душе своей скуку и усталость. Разумеется, никто не токмо не решился бы громко в этом сознаться, но, напротив, почел бы за обиду, если б кто-нибудь другой мог предположить, что такой возвышенный разговор не вполне его удовлетворяет. Мы продол-

жали разговаривать в поте лица... Однако, несмотря на всё наше сосредоточенное мужество, уже не один взгляд украдкой скитался по углам комнаты, отыскивая знакомую шляпу, как вдруг, в одну из тяжких минут всеобщего молчания, обыкновенно обозначающих новый перелом, новое колено в нашем «словопрении», одному из нас вздумалось взять в руки книгу, заглавие которой мы выписали в начале этой статьи. Он раскрыл эту книгу, попал прямо на «Видение» г. Познякова (см. стр. 39), начал читать – и через несколько мгновений мы все преобразились; никто, видевший нас в начале вечера, не узнал бы нас теперь. Самый веселый, самый дружелюбный смех раздавался в той комнате, где еще недавно так вяло звучали два-три сонливых голоса; все лица оживились, глаза вспыхнули; сам почтенный хозяин наш дошел до того, что забыл всю свою важность и глубокомыслие... От «Видения» г. Познякова мы перешли к другим стихотворениям «Альманаха»... Пробужденная однажды веселость не унималась: она разыгрывалась всё более и более, и мы, наконец, разошлись очень поздно, и разошлись счастливыми, довольными, добрыми и действительно умными людьми... Такова разрешающая сила! Недаром боги у Гомера заливаются вечно-юным хохотом...

Все бывшие на том вечере, вероятно, тотчас же забыли книгу, доставившую им минуты такого полного наслаждения, выкинули ее из памяти, точно так же, как какой-ни-

будь лазарони^[1] равнодушно бросает на землю корку золотого плода, утолившего его жажду в полуденный зной, – все, может быть, но не я. Я был поражен... Я долго не мог заснуть в ту ночь; много вопросов зашевелилось у меня в голове. Вот, – говорил я самому себе, – вот книга: она возбудила такую веселость, что заслужить десятую долю подобной веселости было бы слишком лестно для любого комического таланта; она спасла нас, эта книга; она, как молния пожирает накопившиеся облака, в один миг истребила тучу скуки, свинцовым гнетом налегшую на все наши головы; мы все тогда же согласились, что с сознанием, что с намерением написать такую вещь мог бы один великий талант... Почему ж не хотим мы отдать ей должную справедливость? Мне скажут, комический элемент присутствует в этой книге без ведома, может быть, даже против желания самих господ сочинителей; но что ж это доказывает? По-моему, именно это отсутствие сознательности и трогательно в наш обдуманный век. Что же такое, наконец, и сам гений, как не инстинкт высшего рода, как не бессознательное, природное творчество; а мы, однако, ценим его дороже всякого таланта. Вследствие всех этих размышлений в ту же ночь дал я себе слово посвятить свой труд на защиту, на прославление «Поэтических эскизов». «Какие громкие слова, – воскликнет читатель, – по поводу нескольких плохих стихов!» Позвольте, позвольте, лю-

^[1] ...как какой-нибудь лазарони... – Лазарони – босяк, нищий (итал., неаполитанский диалект).

безный читатель! Объяснимся. Действительно, не все стихотворения, заключающиеся в «Поэтических эскизах», заслуживают такие громкие слова; многие только просто плохи; они плохи потому, что бесцветны и безвкусны, как пресная вода, потому что и претензия-то в них не оригинальная претензия. Плохи, например, стихи г. Сушкова, который пресе-рьезно печатает в 1851 году классическое послание, совершенное им в 22 году против Бахчисарая, – против Бахчисарая, воспетого Пушкиным;^[2] плохи стихи г-жи Растопчиной «Ты не люби его», в которых этот вечный, таинственный и поистине достойный сожаления *он* на пространстве осьмнадцати строчек проходит опять несколько раз через все свои падежи; плохи стихотворения г. Берга, хотя одно из них, «Ренегат», своим изумительным концом уже переходит за черту обыкновенного (ренегат этот, рассыпав пепел, скоропостижно умирает оттого, что посмотрел на красавицу); плохи стихи гг. Миллера, Соловьева, Соколова, Прот...ова, Котельникова, Кобякова (хотя нельзя, впрочем, не похвалить этого последнего писателя за удачный выбор имени любовника в *скандинавской* легенде, а именно: он его назвал Робертó); но не плох г. В. И. Р., не плох г. А. Пономарев, далеко не плохи гг. Андреев и Три звездочки; а стихи г. Познякова не только не плохи – это в своем роде превосходные, великолепные

^[2] ...*Бахчисарая, воспетого Пушкиным...* – Тургенев имеет в виду поэму Пушкина «Бахчисарайский фонтан» (1823) и его же стихотворение «Фонтану Бахчисарайского дворца» (1824).

стихи. Юмор в них так и кипит, комизм сверкает в каждом слове. Нет, это не плохие стихи! Впрочем, должно сознаться, что г. Позняков резко отделяется от всех других соучастников в «Поэтических эскизах». Его произведения вы узнаете сразу: на них лежит печать личности... Мы намерены заняться сперва им.

Если б нам нужно было определить одним словом, в чем именно состоит особенность таланта г. Познякова, мы, вероятно, нашли бы ее в совершенной неожиданности поэтических оборотов и эпитетов. Их действительно никак нельзя предвидеть; они падают как снег на голову изумленному читателю. Г-н Позняков необыкновенно смел в выборе своих выражений, но и счастлив, нечего сказать... Впрочем, мы охотно готовы сознаться, что сущность его таланта именно вследствие этой неожиданности – неуловима. Перечитывая со вниманием его произведения, мы в иных случаях, правда, открыли тайну его манеры: она состоит в совершенно... не скажем – превратном, но противоположном, самобытном воззрении на предметы... Передавая нам это воззрение, г. Позняков не прибегает к новым образам: он употребляет образы, выражения уже известные, но выворачивает их, так сказать, наизнанку. Например, все мы говорим: «сон бежит очей»; г. Позняков, напротив, утверждает, на стр. 78, что «очи бегут сна». Мы говорим: «силы неба», у г. Познякова очи голубые (на стр. 41) устремлены через густые черешен ветви к *Небу Сил*. Мы говорим: «снять как рукой», а у г. По-

Познякова встречаются следующие стихи (на стр. 78):

будто рукой
С меня снялись мученья
И пропали с тоской...

На стр. 79 парень не стучит рукавицами по рукам или руками по рукавицам, а «Стучит рукавицами руки». Обычно думают люди, что в темноте нельзя различить предмета, а на стр. 43 сам «предмет не *может* различать в темноте».

Но мы уже заранее предупредили читателей, что наше замечание насчет манеры г. Познякова относится только к немногим случаям; большею частию мы находимся в совершенном неведении насчет внутренних законов его творческого дара, – и, повторяем, главное его качество – неожиданность – всюду является в полном своем блеске. Иное стихотворение производит на нас точно такое же впечатление, какое должно произвести на опытного ботаника внезапное появление нового, неслыханного растения. Глядишь и дивишься и ничего не находишь в памяти подобного: например, как вам нравится этот романс, посвященный à m-lle, m-lle Paulina de B....ff:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания